

С чего все началось

ФИЛЬМ «АЛЛИЛУЙА!»

КИНГА ВИДОРА

Михаил Трофименков

ФИЛЬМ КИНГА

Видора, будущего автора «Дуэли на солнце» и «Войны и мира», часто, но ошибочно называют первым голливудским фильмом, целиком сыгранным афроамериканскими актерами. На самом деле

он был первым звуковым фильмом такого рода. Да что там ходить вокруг да около — просто первым полноценным звуковым фильмом в Голливуде. И есть что-то символическое, пьянящее как восстановление исторической справедливости, в том, что первый звуковой на сто процентов фильм был, по сути, негритянской оперой, оргией блюзов и спиричуэлз. Все помнят безумную, переходящую в эксталическую пляску службу в баптистской церкви из «Братьев блюз» (1980) Джона Лэндиса. А между тем эта сцена — бледный ремейк сцены именно из «Аллилуйи!». При том, что в фильме Видора ходили колесом по церкви самые что ни на есть настоящие богобоязненные прихожане. Хотя первые полчаса не избавиться от ощущения, что смотришь не «Братьев блюз», а таких «Кубанских казаков» из Мемфиса, Теннесси, где и проходили съемки. Невольно вспоминаешь, что 1920-е годы — эпоха ренессанса ку-клукс-клана, жутких негритянских погромов. А тут: собралась семья Зика (Джиэл Л. Хейнц) хлопок — и в пляс. Сытно поужинала — и пошли вприсядку. Снарядили Зика с братом-задирой (Эверетт Макгэррити) в город, хлопок продавать — и напутствуют их хорovým пением. Но потом об этой, так сказать, исторической фальши забываешь. Просто погружаешься в мир злой сказки, болотной магии, где чернокожий Саваоф летает на облаке, а люди, внимающие бродячему проповеднику, и впрямь ощущают себя пассажирами поезда, идущего прямо в рай. В мир, где нет, словно никогда и не было — может, оно и к лучшему — ни одного белого человека.

Чудо начинается с того момента, когда — на горе Зик — ему встретится плясунья Чик с глазами, как арбузы, и грудями, как тыквы. Откуда взял Видор это чудо в перьях? Э-э-э, вспоминал режиссер, я ее углядел в бродвейском ревю «Black Birds», она там была третьей справа во втором ряду. Господи, что же за богини тогда танцевали там в первом ряду!

Последующее — экранизация известной тюремной татуировки «Что нас губит»: бабы, карты, водка. По вине Чик Зик проигрывает все вырученные за хлопок деньги франтшулеру Позеру (Уильям Э. Фаунтин), становится виновником гибели задир от случайной пули, обращается к богу, страстно проповедует, снова встречает Чик, снова теряет ее, становится убийцей, грустно поет на каторге, возвращается в дом, милый дом, словно вынырнув из глубокого и дурного сна.

Классикой работы и с изображением, и со звуком считается та сцена, в которой Зик убивает, — она действительно воплощение дурного сна. Видор вспоминал, как достиг такого сновидческого эффекта: «Когда кто-то насту-

ЕСТЬ ЧТО-ТО СИМВОЛИЧЕСКОЕ В ТОМ, ЧТО ПЕРВЫЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМ БЫЛ, ПО СУТИ, НЕГРИТЯНСКОЙ ОПЕРОЙ

пал на сломанную ветку, это звучало, как треск ломаемых костей. Когда преследуемая жертва вытягивала ногу из болотистой жижи, звук свидетельствовал о таком сильном сопротивлении, будто болото хотело затянуть несчастного в ад. Когда птицы издавали крики, это звучало, как предупреждение о приближающемся конце света, а не как пение птиц. Звуки нагнетали настроение

кошмара, смерти и очень усилили драматическую кульминацию фильма. Я считал, что ненатуралистическое использование звука идеально подойдет к моему фильму». Только подумать: ведь это 1929-й год, это — повторюсь — первый полноценный голливудский звуковой фильм. А звук Видор записал так, что мурашки по коже: хорошо быть первым.

Hallelujah!, 1929